

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Предупреждение: Книга написана с применением технологий боевого ИИП

П⁵

Based on true story

**прощальные
песни
политических
пигмеев
пиндостана**

Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана.

Виктор ПЕЛЕВИН

П5: Прощальные песни политических пигмеев

Пиндостана

Зал поющих кариатид

Лена пришла на прослушивание за два часа до назначенного срока, но все равно оказалась в очереди девятой.

Девушки, собравшиеся в небольшом холле — среди желтой кожи, стекла, хрома и винтажных голливудских плакатов, украшавших стены вместо картин, — заметно нервничали.

Лена тоже.

Девушки исчезали за дверью из матового стекла с интервалом примерно в четверть часа, потом выныривали и шли к выходу. По их лицам ничего нельзя было понять.

Когда по холлу пролетел звон электронного колокольчика и секретарша назвала ее фамилию, Лена вдруг запаниковала и долго не могла засунуть книгу в сумочку, так что секретарша даже нажала на кнопку еще раз. Но по пути к матовой двери Лена пришла в себя — и толкнула ее уверенной рукой.

За дверью оказался небольшой кабинет, похожий на приемную доктора-косметолога: письменный стол, пара кресел и жесткая медицинская кушетка, обтянутая клеенкой. Хозяин кабинета, которого было принято называть «дядя Петя», сидел на кушетке, скрестив мохнатые ноги, и курил сигару.

Дядя Петя был полный мужчина лет пятидесяти с голым черепом и мясистым лицом в стильных прямоугольных очках. Несмотря на свежевыбритость, он выглядел небритым: его полуседая щетина была так непобедимо густа, что казалось, будто он только что посыпал голову пеплом сигары, а для полноты покаяния втер некоторое количество еще и в щеки. Одет он был как ребенок — в мятые белые шорты и футболку с радужной надписью:

Taliban Ichkeria

Некоторое время он глядел на Лену, пожевывая сигару. Затем указал на стол и произнес: — Раздевайся и залазь... То есть наоборот — залазь и раздевайся.

Лена была в курсе, что петь придется голой, но все-таки испытала шок, поняв, что все произойдет не на подиуме, а на письменном столе в прокуренной комнатенке. Как-то это выглядело несерьезно. С другой стороны, место было самое серьезное, какое только бывает, это она тоже знала.

Обнаружившийся диссонанс мог означать только одно — ее представления о серьезном и несерьезном не соответствуют актуальной действительности. Такое с ней уже бывало в жизни. Поэтому, отбросив сомнения, она залезла на стол и быстро обнажилась.

— Пой, — сказал дядя Петя.

— У меня флэшка с музыкой, — ответила Лена, — есть куда поставить?

— Давай без музыки.

Специально на этот случай у Лены была приготовлена песня про Югославию, которую пели «Татушки» — она очень выгодно подчеркивала ее тонкий чистый голосок. Лена запела:

Над вечерним Дунаем разносится
белый цвет белый цвет белый цвет...

— Ногу подними, — сказал дядя Петя.

Лена покраснела и, продолжая петь, подняла левую ногу, согнув ее в колене. Стоять на одной ноге было неудобно, но можно. Она развела руки в стороны и попыталась придать своей позе максимальное изящество.

Стыд наполнил ее голос какой-то особо пронзительной хрустальной чистотой. Дядя Петя даже не смотрел на нее — так, может, глянул искоса один или два раза. Он занимался своей сигарой, которая слишком сильно прогорела с одного бока. Озабоченно смазывая слюной проблемную область, он пускал струи дыма в потолок, но раскурить сигару равномерно никак не получалось.

Когда Лена второй раз пропела «Ты уходишь в огонь, Югославия, без меня без меня без меня», в голове дяди Пети, видимо, сработало какое-то ассоциативное реле. Он стряхнул с сигары пепел, сморщился и сказал:

— Хватит. Давай что-нибудь другое.

— А ногу можно опустить? — спросила Лена.

Дядя Петя отрицательно помотал головой. Лена к этому времени уже порядком устала — и сделала ошибку.

Она запела «Колеса любви» «Наутилуса». Это была красивая песня, но с неуловимым и как бы скользящим мотивом, и петь ее следовало только под музыку.

— Это знала Ева, это знал Адам, колеса любви едут прямо по нам... — начала она, но через несколько секунд дала такого явного петуха, что замолчала от смущения, а потом начала заново.

— Не надо, — остановил ее дядя Петя.

Положив сигару на край кушетки, он сделал пометку в блокноте.

— Можно ногу опустить? — опять спросила Лена.

— Можно, — кивнул дядя Петя. — Можно уже одеваться.

— А декламация? Декламацию будете слушать?

— Нет.

Лена слезла со стола. Она чувствовала, как на ее щеках разгорается румянец позора, и ничего не могла с этим поделать. Ей было очень неловко, и, одеваясь, она смотрела в мусорное ведро — словно смирившись с тем, что отныне ее место именно там.

* * *

Дядя Петя позвонил через неделю, когда Лена уже успокоилась. Звонок раздался рано утром. Взявшая трубку сестра сказала:

— Тебя какой-то живчик.

Сначала Лена не поняла, кто это, и только когда дядя Петя назвал ее «Югославией», догадалась, что все-таки прошла конкурс.

— Насчет тебя сомнений не было, — сообщил дядя Петя, — ты только ногу подняла, и я все понял... Сегодня днем свободна?

— Да, — сказала Лена. — Конечно.

— Знаешь, где «Рэдисон-Славянская?» Приходи к трем часам ко входу, только паспорт возьми. Увидишь там человека с табличкой «Семиотические знаки». Подойдешь к нему.

— Зачем? — не поняла Лена.

— Затем, глупышка, что человек с этой табличкой отведет тебя туда, куда тебе надо. А ты что-то плохое подумала? Не бойся, плохого больше не будет, будет только хорошее и очень хорошее. Если, конечно, не разучишься краснеть. Это в нашем деле самое важное...

И дядя Петя засмеялся.

Без пятнадцати три Лена была на месте.

Судя по всему, в «Славянской» происходило какое-то крайне важное для мировой семиотики событие — у дверей стояло сразу несколько женщин в гостиничной униформе с такими табличками в руках. Одна из них, сверившись со списком, повела Лену в бизнес-центр. Там уже собралась целая толпа семиотических юношей и девушек — это даже немного напоминало первое сентября.

Женщина в униформе привела Лену в небольшой полукруглый зал с черными креслами, явно предназначенный для презентаций в узком кругу. В зале сидели незнакомые девчонки. Лена по привычке пошла на последний ряд и села рядом с миниатюрной девушкой с азиатским разрезом глаз, по виду совершенной японкой.

— Ася, — представилась японка и так очаровательно улыбнулась, что Лена сразу поняла, как та прошла конкурс.

— Лена, — сказала Лена и пожала протянутую руку. — Что сейчас будет?

— Говорят, какое-то вводное занятие.

Лена оглядела собравшихся. Всего в зале оказалось двенадцать девушек — все были красивые, но разные, словно их специально подбирали таким образом, чтобы создать контраст между разными типами физической привлекательности и усилить таким образом эффект. Здесь были две негритянки, одна мулатка, две смуглых среднеазиатки, две узкоглазочки (самой красивой была Ася) и пять девушек неопределенно-европейского вида: три блондинки (Лена посчитала себя), брюнетка и шатенка.

Через несколько минут ожидания в зал вошли дядя Петя, одетый в коричневый двубортный пиджак поверх черной водолазки, и молодой темноволосый мужчина в сером костюме от Zegna с галстуком неброского, но такого элегантного оттенка, что если у Лены и оставались какие-то сомнения в серьезности происходящего, они отпали раз и навсегда.

Дядя Петя явно не был в этой паре главным. Он вел себя по отношению к молодому человеку очень предупредительно — включил ему микрофон и даже стряхнул несуществующую пыль с его кресла.

Усевшись перед микрофоном, молодой человек оглядел девушек, грустно улыбнулся и заговорил:

— Вы ведь знаете, девчата, что сейчас происходит в мире. Геополитическое противостояние между цивилизациями, основанными на служении духу и материи, обострилось до последнего предела. За этим скрыто такое же напряжение сил, как в зоревые утренние часы перед Куликовской битвой, когда православная рать ждала своего звездно-крестного часа...

Молодой человек обвел строгим взглядом девушек, как бы давая понять, кто теперь будет православной ратью — но это Лена прикинула уже давно. Неясно было, что такое «звездно-крестный». Она решила, что это калька с американизма «звездно-полосатый» — эдакий ответ диктатуре «Макдональдса», за неимением нормального креатива слизанный с самого «Макдональдса», но заквашенный на правильном духовном начале.

— Особую остроту ситуации придает тот факт, — продолжал молодой человек, — что богатства нашей страны достались во время грабительской и преступной приватизации кучке олигархов, специально отобранных агентами мировой закулисы по принципу духовного убожества. Не то чтобы это были неисправимо дурные люди, нет, не следует так думать, папа-мама дурка восемнадцать. Они, скорее, похожи на маленьких детей, не способных стремиться ни к чему, кроме удовлетворения своих постоянно меняющихся желаний. Отсюда все эти футбольные клубы, гигантские яхты, вино по двадцать тысяч евро за бутылку и прочие гримасы, о которых вы, я думаю, слышаны...

Лена не поняла, что это за «папа-мама дурка восемнадцать» (молодой человек пробормотал

эти слова быстро и тихо), но сразу же забыла про это — ей вдруг до такой степени захотелось отхлебнуть вина за двадцать тысяч евро, что ее рот наполнился слюной. По залу прошел тихий вздох, подтвердивший, что собравшиеся не просто наслышаны о гримасах, а успели в мельчайших деталях изучить всю доступную о них информацию.

— В последнее время спецслужбы Запада развернули настоящую охоту на наших богачей-недотеп, — продолжал молодой человек. — Вы слышали, конечно, про громкие скандалы и аресты: сначала Куршевель, затем Фиджи, потом бутик «Гермес», а теперь вот Сен-Моритц, Мальдивы и Антарктида. Кампания тщательно спланирована и преследует две основные цели — во-первых, дискредитировать российскую цивилизацию, во-вторых — установить контроль над ее ресурсами посредством сбора компромата на владельцев ее основных активов. Наша элита стала мишенью, а объективная реальность текущей точки пространства-времени такова, что вместе с ней стали мишенью мы все.

Нахмурившись, он замолчал, словно давая слушателям возможность осознать всю серьезность ситуации. Затем на его лицо вернулась грустная улыбка, и он продолжил:

— Мы должны удержать ситуацию под контролем. Что для этого нужно? В первую очередь, создать условия, при которых эти инфантильные охламоны больше не будут позорить страну за рубежом. Мы должны, так сказать, воспроизвести тот дурманный мираж, которым их привлекает Запад, по нашу сторону границы. Тогда мы обезопасим стратегические ресурсы отчизны и заодно сохраним в России те огромные средства, которые олигархия тратит на свои безобразия. Это, если хотите, один из приоритетнейших национальных проектов сегодняшнего дня — хоть по телевизору, по понятным причинам, вы об этом не услышите ни слова.

Он поглядел на часы.

— Остальное вам расскажет Петр Моисеевич. Главное, вы должны помнить, что, несмотря на внешнюю... двусмысленность, скажем так, вашего труда, он так же важен, как вахта матросов подводного крейсера, который несет ядерный щит страны. А может быть, и важнее — потому что война сегодня не та, что полвека назад, и ведется совсем другими средствами. Стране нужен щит нового типа, способный защитить наши рубежи изнутри, — и держать его будете вы, девочки! К вам переходит сегодня дело Александра Невского. Это огромная ответственность, но и великая честь. И пусть на этом пути ваши сердца озарит то прекрасное и невыразимое, что Боря Гребенщиков называет делом мастера Бо, а простые люди вроде меня — трансцендентально-экстралингвистическим императивом. Все теперь будет зависеть от вас. Удачи!

Прошептав что-то на ухо дяде Пете, молодой человек встал, помахал на прощание изящной маленькой ладонью и вышел из зала.

— Все поняли, кто с вами сейчас говорил? — спросил дядя Петя и выразительно поглядел в потолок. — Да... Вот так. Раньше был серый кардинал. Никто его и в глаза не видел. А теперь вот выступает по разным вопросам, общается с людьми. Настоящий, кстати, демократ в хорошем смысле — приехал на обычной «бэхе» без всяких наворотов. Только рассказывать про эту беседу на стороне я очень не советую.

Лена так и не поняла, что это был за «серый кардинал», но решила не выяснять — чтобы случайно кому-нибудь не проболтаться.

— Усвойте сразу, — продолжал дядя Петя. — Длинных ног для вашей работы мало, нужна короткая память. Никто — ни мама, ни папа, ни братик, ни даже священник на исповеди — не должен знать о том, что происходит с вами на службе. Чем чревато нарушение этого принципа, вы, я думаю, понимаете. Или есть такие, кто в непонятках?

Дядя Петя обвел взглядом притихший зал.

— Мы что, поступили в разведшколу? — спросила одна из девушек.

— Примерно, — улыбнулся дядя Петя. — Вы думаете, мы тут в куличи играем? Если полистать глянец за последние годы, дядя Петя только и делает, что жалуется всяким светским хроникерам, будто с Рублевки не поступает заказов на девочек и вся клиентура теперь только в провинции. Мы, конечно, и хроникерам платим, и журналам. С общественным мнением работа идет самым активным образом. Внедряется точка зрения, что на первом месте в системе ценностей современного олигарха стоит семья, на втором — заграничное образование детей, на третьем — православные идеалы, а разврат уже давно не в моде. На это, девочки, идут серьезные ресурсы. А теперь представьте, что кто-то из вас начнет торговать клубничкой... Рушится все здание. Понимаете последствия?

— Это все уже поняли, — мужским голосом сказала коротко стриженная блондинка, сидевшая в первом ряду. — Давайте конструктив. Где работать будем?

— Под Рублевкой.

— В смысле, рядом с Рублевкой?

Дядя Петя отрицательно помотал головой и ткнул пальцем в пол.

— Что вы имеете в виду? — напряженно спросила блондинка.

— Вы будете трудиться в подземном комплексе, который достраивается в районе Рублевского шоссе. Он расположен на глубине в триста метров под землей и способен выдержать прямое попадание ядерной бомбы. Комплекс будет выполнять функции бомбоубежища для национальной элиты на случай войн и терактов. А в мирное время он станет закрытым развлекательным центром, который элита сможет конфиденциально посещать, не покидая района проживания.

— И что, — спросила Ася, — про это убежище никто не будет знать?

— Скрыть строительство такого масштаба трудно, — ответил дядя Петя. — Но сохранить в тайне то, что будет там происходить, можно вполне. Все сотрудники, в том числе и вы, будут знать только касающееся их непосредственно. Кстати, не считайте себя солью земли. Вы далеко не главное содержание проекта. Вы даже не осы.

— Какие осы? — спросила одна из девушек.

— «Оса» — это «объект секс-аттракции», — ответил дядя Петя. — Наш профессиональный жаргон.

— А кто же мы тогда?

— Вы просто декоративный элемент в одном из вспомогательных помещений. Вы — поющие кариатиды. Знаете, что это такое?

Знали явно не все — это было видно по лицам.

Дяде Пете, видимо, стало жарко — он снял пиджак и повесил его на спинку стула. На его черной водолазке в районе живота оказался рисунок — изогнутый найковской загогулиной сперматозоид с подписью:

Just did it

— В словаре русского языка сказано, — сказал дядя Петя, — что слово «кариатида» обозначает скульптуру женщины, которая служит опорой крыши или образно выполняет эту функцию... Что значит «служить опорой крыши», вам сейчас объяснили, это политический аспект. А теперь поговорим о том, что значит «образно выполнять эту функцию». Мы создаем пространство персональных наслаждений совершенно нового типа. Его главным стилеобразующим элементом будет обнаженное женское тело. Это, конечно, не комната с голыми бабами. Неаполитанская тарантелла, над которой издевался еще Аверченко, никому

сегодня не интересна. Нет... Мы делаем нечто такое, чего не видели даже пресыщенные римские императоры.

Откинув корпус назад, дядя Петя изобразил на лице римскую пресыщенность. На взгляд Лены, получилось очень похоже — несмотря на прямоугольные очки.

— Представьте кариатид, — продолжал он, — которые оживают по желанию клиента, поют, вступают с ним в беседу, оказывают ему различные услуги интимного характера... Но только в том случае, если клиенту это интересно. Все остальное время они пребывают в оцепенении, являясь просто деталью интерьера, в котором может происходить что угодно — от изысканной оргии до собрания акционеров. При желании клиент может прийти в это пространство со своими девушками или даже с семьей, и тогда вы должны будете часами сохранять каменную неподвижность. Ну, или создавать звуковой фон, выступая с вокальными номерами.

— А как мы будем часами сохранять каменную неподвижность? — спросила коротко стриженная блондинка с первого ряда. — Или Родина научит?

— Не иронизируй, киса, — ответил дядя Петя. — Вот именно что научит. Завтра утром. Только сначала подписки соберет.

— О невыезде? — спросила блондинка.

Дядя Петя улыбнулся.

— О неразглашении. А детство страшное забудь.

* * *

В спортзале ждали трое — бородатый доктор в белом халате, майор каких-то пятнистых войск и усталый лысый мужик в спортивном костюме. Доктор выглядел добродушным айболитом, зато майор полностью компенсировал это добродушие — его лицо, похожее на кирпич, которым разбили не один десяток черепов, не обещало ничего.

Встречу он начал с того, что построил девушек в шеренгу.

— Насчет секретности, — сказал он тихо, глядя куда-то в область своего паха. — Я хотел вам кино показать, где двух проблядушек живыми в печи сжигают. Начальство не разрешило. Предлагаю поверить на слово, что такое бывает. Верите?

Лена стояла в шеренге первой, поэтому почувствовала, что ответить следует ей.

— Верим, товарищ майор. Нам вчера про эту секретность все уши прожужжали.

— Вам жужжали про одно, — сказал майор, — а я жужжу про другое. Что вы там будете рассказывать гламурным журналистам про своих рублевских ебарей, это не моя проблема. А вот то, что я вам сейчас покажу — гостайна с грифом «совершенно секретно», и вы за нее теперь в полном ответе.

Он подошел к теннисной сумке, лежавшей у стены, и вынул из нее коробку дрянного серого картона — вроде тех, в которые пакуют запчасти к разным неинтересным машинам. В коробке лежали никелированный шприц-пистолет и рулон запаянных в пластик ампул.

Лена стояла близко и видела все в деталях: из-за треугольных головок ампулы напоминали формой патроны, а рулон был похож на пулеметную ленту. На ампулах не было никаких надписей, только какие-то красные черточки на боку. Внутри была жидкость чайного цвета.

— Препарат называется «Мантис-Б», — сказал майор. — Разработан еще в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году для применения в спецвойсках. Что он собой представляет, расскажет товарищ полковник.

Лена ожидала, что заговорит изможденный человек в спортивном костюме, но на

«товарища полковника» неожиданно отозвался айболит. Он сложил руки на животе, прищурился и заговорил:

— Как вам уже сказали, девочки, препарат называется «Мантис-Б». «Мантис» по-гречески «пророк». Кроме того, это биологическое обозначение богомола. Слышали про такое насекомое? По-английски его называют praying mantis, «молящийся пророк» — из-за того, что он соединяет свои передние шипастые лапки в подобие сложенных перед грудью рук. Богомол — это очень интересное насекомое. Единственное, у которого вращается голова. У него множество глаз...

— Товарищ полковник, — попросил майор, — давайте о главном. А то запаримся им объяснять про животных.

— Верно. В общем, для нас важна только одна особенность этого насекомого. Богомол, ожидая добычу, может часами сохранять неподвижность. Окраской и формой он напоминает сухую веточку, поэтому к нему безбоязненно приближаются другие насекомые. Тогда-то богомол и хватает их своими шипастыми передними лапами...

Айболит схватил что-то невидимое, поднес руки ко рту и громко щелкнул зубами. Над строем пронесся нервный смешок, и Лена подумала, что добродушный вид доктора имеет такое же функциональное назначение, как сходство богомола с сухой веточкой.

— Наши специалисты, — продолжал доктор, — много лет исследовали паранормальные особенности многих животных и насекомых. В частности, мы изучали богомолы, пытаюсь понять, каким образом это насекомое так долго сохраняет полную неподвижность. Вы все смотрели фильмы про японских ниндзя и понимаете, как это может пригодиться, например, сидящему в засаде снайперу или агенту спецслужб. Особенно в наши дни, когда любая охранная система включает в себя крайне чувствительные детекторы движения. В результате исследований из мозга и нервной системы богомола было выделено вещество, отвечающее за этот механизм. Это сложный белок, некое отдаленное подобие токсина, или, скорее, белка-репрессора, который представляет собой двудоменную глобулу из соединенных дисульфидным...

— Товарищ полковник, — укоризненно сказал майор.

Доктор кивнул.

— В общем, — продолжал он, — на основе этого вещества был создан препарат «Мантис-Б». Он позволяет человеку много часов сохранять полную неподвижность без негативных последствий для организма. Я подчеркиваю, речь идет о полной, каменной неподвижности.

— Они не поймут, — сказал майор. — Надо показать. Васек, иди сюда.

Мужчина в тренировочном костюме послушно подошел к майору.

— Покажи руки, — скомандовал доктор.

Васек вытянул руки перед собой. Они заметно тряслись.

— Можешь опустить.

Майор вынул из пластиковой ленты ампулу, зарядил шприц-пистолет и сказал озабоченно:

— Пригнись-ка.

Васек встал на колени. Майор поднес шприц к его затылку и нажал на спуск. Раздался пшик, и Васек сказал:

— Уй. Холодная!

— При инъекции в затылочную область действие практически мгновенное, — сказал доктор.

Васек поднялся на ноги.

— Еще раз покажи руки, — сказал доктор.

Васек повиновался. Теперь пальцы были идеально неподвижны.

Доктор подумал немного, развел его руки в стороны и поднял их вверх. Затем он наклонил его туловище, заставив оторвать от пола ногу. Васек принял такую позу, словно держал амфору, склоняясь вперед и балансируя вытянутой назад ногой. Так он и замер.

С каждой секундой у Лены росло чувство нереальности происходящего. Несмотря на очевидную неустойчивость позы, Васек стоял как каменный — его руки и поднятая нога не совершали даже мельчайших движений. Но поразительнее всего было изменение, которое произошло с его лицом. Только что Лена видела виноватую рожу алкоголика — подрагивающую, напряженную, сморщенную сразу в несколько наложенных друг на друга гримас. А теперь перед ней было лицо святого. Все его мускулы были расслаблены, оно выражало абсолютный покой и доверие, и казалось прекрасным несмотря на свою морщинистую изношенность.

— Как это... — прошептала одна из девчонок в шеренге.

Полковник в белом халате довольно улыбнулся.

— Как думаете, сколько он может так стоять? Час? Два? Ха-ха. До двух с половиной суток! И при этом будет сохранять полную ясность сознания и способность к коммуникации. Только не советую пить много воды перед сменой. Вась, как ты себя чувствуешь?

Святой открыл глаза и сказал:

— Да нормально, товарищ полковник. Только трусы режут.

* * *

Коротко стриженную блондинку звали Вера. Она жила на Профсоюзной, а Лена с Асей жили в Беляево, совсем недалеко друг от друга. Домой поехали вместе, а на «Профсоюзной» вышли и отправились гулять по улицам возле метро.

— Что-то мне это не нравится, — сказала Лена. — Я думала, будет топовое кабаре с продолжением для эксклюзивных клиентов. А тут какой-то цирк. Кариатиды.

— Знаешь, — ответила Вера, — я за такие деньги не то что кариатидой, я домкратом работать пойду. У меня отец алкоголик, я от него на ночь письменный стол к двери придвигаю. Свою квартиру надо.

— А ты что думаешь? — спросила Лена у Аси.

Ася улыбнулась своей удивительной японской улыбкой.

— Я думаю, так даже интересно, — сказала она. — Все же лучше, чем обычной проституткой.

Это прозвучало так простодушно, что все трое засмеялись.

— Слушайте, — сказала Лена, — я вот чего не пойму. Если мы на Рублевке работать будем, нас где-то там и поселят?

— Как же, жди, — ответила Вера. — Дядя Петя говорил, будут возить на автобусе.

— Каждый день?

— Нет. Будем работать в три смены по четыре человека. Двое суток работаем, четверо отдыхаем. Нас поэтому двенадцать и набрали.

— Нормально, — сказала Ася. — Получается, как проводницей в поезде. Девчат, а давайте в одну смену попросимся?

— Зачем? — спросила Вера.

— Мы живем рядом, — сказала Ася. — Можно будет договориться, чтобы автобус приезжал на «Профсоюзную». Чем к «Славянской» мотаться.

— Это мысль, — согласилась Вера. — Надо будет еще кого-нибудь найти, кто здесь живет.

— Смотрите, — сказала Лена.

Из-за угла выехал белый «стретчер» — сильно растянутый лимузин. Он был настолько длинным, что с трудом вписался в поворот, а его стекла были тонированы так густо, что ни малейшей надежды проникнуть сквозь них в чужое прайваси не оставалось. Лимузин казался разведывательным кораблем, спустившимся из счастливых заоблачных пространств на низкую орбиту, под тучи, в серый мир экономической целесообразности, эффективности и зубовного скрежета. Было понятно, что скоро разведка кончится, и корабль вернется туда, откуда прилетел. Но его вид не просто намекал на чужое преуспеяние и счастье, а еще и внушал робкую надежду: крышу украшали два скрещенных золотых кольца, похожих на локатор.

Лена провела взглядом по черным стеклам, белой эмалевой двери, опустила глаза еще ниже и увидела сверкающие никелем диски, окруженные черной резиной. Она поняла, что это есть те самые колеса любви, о которых она пела на конкурсе.

— Главное теперь не дать петухам, — пробормотала она.

— Чего? — спросила Вера.

— Нет, — сказала Лена, — это я так. Вспомнила кое-что.

* * *

Четвертой в смену попала негритянка Кима — она жила на «Академической», и согласилась встречаться с остальными на «Профсоюзной».

Кима оказалась самой образованной и умной из девчонок. Пожалуй, даже слишком умной — поговорив с ней пару раз, Лена с неудовольствием ощутила свою темноту в вопросах современной культуры: до этого она искренне считала, что художник Кулик нажил состояние, чирикавая птичкой, а «Швыдкой» — не имя собственное, а бранный малоросский эпитет с гнусным антисемитским душком.

Кроме того, у Кимы была смешная манера здороваться — она била себя правым кулаком по левому плечу и говорила:

— Путен морген!

Встречаться на «Профсоюзной» было удобно, потому что черный мерседесовский микроавтобус с табличкой «Семиотические знаки» отбывал в семь утра, и ловить его где-то в центре было бы тяжело — пришлось бы слишком рано вставать.

В первую поездку все нервничали. Особенно мрачной казалась Кима.

— Чего-то у меня нехорошее предчувствие, — сказала она, когда автобус тронулся. — По моему, мы лоханулись. Это какая-то хрень, а не серьезный проект.

— Почему? — спросила Ася.

— Да хотя бы эта табличка за стеклом, — сказала Кима. — «Семиотические знаки». Уже напрячься можно. Семиотика — наука о знаковых системах, мы ее в университете проходили. Если на русский перевести, выйдет «знаковые знаки». Это ведь любому образованному человеку смешно станет.

— Угу, — буркнула Ася, у которой тоже было плохое настроение. — Что, лучше бы там написали «блядские проститутки»?

Лена поморщилась.

— Мы не проститутки, — сказала она. — Мы все-таки скорее гейши. Поем. Декламируем.

— Типа не лавка с дыркой, — сказала Ася, — а еще и наушники с фонограммой. Поэтому прайс другой.

Кима подняла палец.

— Хорошо, что напомнили. Вчера звонил референт дяди Пети, велел составить списки песен, чтоб они подготовили озвучку. В смысле, сопровождение — под фанеру нам петь не дадут. Сказал, от двадцати до тридцати номеров, больше не надо. По дороге как раз успеем.

У водителя нашелся еженедельник, из которого он разрешил вырвать несколько чистых страниц. Было поразительно, что «Колеса Любви» оказались в программе у всех.

— Сделаем отдельный номер, — предложила Вера. — Разобьем на голоса.

Лена предусмотрительно взяла с собой распечатанный репертуар, заготовленный еще к кастингу, поэтому ей не надо было ничего писать. Можно было расслабиться.

Она взяла у шофера зачитанный журнал «Женихи России». В него был вставлен другой журнал, совсем истрепанный и тонкий, под названием «Контркультура» — непонятно было, то ли это отдельное издание, то ли просто вкладка. «Контркультура», напечатанная на плохой газетной бумаге, выглядела очень несолидно и даже убого, но Вера объяснила, что так сделано специально.

— Контркультура же, — сказала она, словно это слово объясняло все.

— А что это такое? — спросила Лена.

— Это когда с неприличными словами и на дешевой бумаге, — объяснила Вера, — чтобы можно было обсирать глянец. Сегодня самая писечка.

Ася нахмурилась.

— Неправильно, — сказала она, — не обязательно на дешевой бумаге, бывает и на дорогой. Контркультура — это... — Она на секунду запнулась, словно вспоминая услышанную где-то фразу. — Это эстетика антибуржуазного бунта, экспроприированная правящей элитой, вот.

— А как можно экспроприировать эстетику? — спросила Вера.

— Да запросто, — ответила Ася. — Теперь все бунтари, у кого пиар-менеджер грамотный. Любая свинья из телевизора говорит, что за ней ФСБ охотится, только найти никак не могут... Вы же, я считаю, у нас вообще не должно быть никаких комплексов из-за работы. Потому что проститутки сейчас все, даже воздух. Раз он радиоволны через себя пропускает.

— Ты как-то эмоционально все воспринимаешь, через сердце, — сказала Кима. — Тебя так надолго не хватит. И потом, контркультура — это другое.

— Что? — спросила Ася.

— Просто рыночная ниша, — пожала плечами Кима. — И не только у нас, а во всем мире. По-английски пишется «counterculture». «Counter» — прилавок. Контркультура — это любой товар, который собираются круто продать и кладут на прилавок у самой кассы. Лен, ты же молчишь?

— Читаю, — ответила Лена. — Непонятно, почему у них мат через многоточия, если они бунтуют.

— А чтоб аудитория шире была.

— Ага... А вот тут пишут — «яркий интеллектуал, экспериментирующий в зоне массового мейнстрима...» Это тоже контркультура?

— Нет, — сказала Ася. — Это один Абраша капусту рубит, а другой его пиарит.

Больше Лена не задавала вопросов, но все-таки ей стало интересно, что такое эта контркультура, поэтому она решила проглядеть вкладку полностью.

Вполуха слушая девчонок, она прочла главный материал — рейтинг «10 °Самых Дорогих Б...дей Москвы с Телефоном и Адресом», а затем и комментарий к нему (комментатор вопрошал, по какой причине — внезапного нравственного преображения или временного упадка в делах — в списке отсутствует ведущий ток-шоу «Шапки Прочь!» Дроздовец), наморщилась на странную рекламу («Устали от городской суеты и шума? Две минуты, и вы в сосновом лесу! Бельевые веревки фабрики „Раздолье“»), полистала статью о шансонье Шнуркове („Почему из

всех борцов с диктатурой менеджера именно этот продвинутый чегевара, знакомый многим состоятельным господам по искрометным песням на закрытых корпоративах, первым пустил о себе слух, что нехило поднимает на рингтонах? Да потому, что понял: в наши дни это единственный путь к тому, чтобы его рингтон действительно зазвучал на твоём iPhone 3G, дорогой менеджер“), затем интервью с самим Шнурковым („автор песен „На...ри в П...ду“ и „Х...й в Г...не“ размышляет о тенденциях и метаморфозах новейшего российского кинематографа“), а потом — наверно, от утомительного контркультурного мата — почувствовала тоску и одиночество, закрыла мятежную вкладку и погрузилась в спокойный глянцевоый омут „Женихов России“.

И сразу наткнулась на большую статью под названием «Последний русский мачо».

Она была посвящена олигарху Ботвинику, которого в ней называли «женихом России № 1». Лена ввинтилась взглядом в фотографию круглого крепыша с неестественным румянцем во все щеки — словно пытаясь просверлить в глянце прорубь и выудить из-под нее какой-то секретный код.

— Могла бы полюбить такого? — спросила Ася, заглянув в журнал.

— Почему нет, — ответила Лена. — В любом человеке можно найти что-то хорошее. А когда у человека несколько миллиардов долларов, этого хорошего можно найти очень много. Надо только поискать.

Кима встала с места, чтобы поглядеть на фотографию.

— Попробуй с ним мысленно поговори, — сказала она. — Я читала, что человека можно притянуть к себе, глядя на его фотографию и говоря с ней. Только обещай ему что-то такое, чтобы ему тоже захотелось тебя увидеть. Потом он тебе обязательно встретится в жизни.

Лена иронично поблагодарила и стала читать.

* * *

В статье обнаружилось много интересного.

Вспоминали старый-престарый слух о том, что Ботвиник в девяностых набил морду Жан-Клоду Ван Дамму у дискотеки в Монте-Карло — и якобы ему долго нельзя было за границу, потому что его искал Интерпол. В это не особо верилось: старшая сестра Лены в те годы крутила любовь с ореховским бандитом, и Лена с детства знала, как трудно найти среди ореховских быков такого, который в свое время не набил морду Жан-Клоду Ван Дамму у дискотеки в Монте-Карло (многие с похабной ухмылкой давали понять, что этим дело не ограничилось). Если Интерпол и искал когда-то Ботвиника, то, конечно, за другое — но широкая растиражированность слуха, который не поленились откомментировать все серьезные политобозреватели («Запад получил еще один повод бессильно скрежетать зубами»), указывала на такие мощные бюджеты, что это было гораздо круче, чем действительно набить морду Жан-Клоду Ван Дамму.

На что косвенно намекала и сама статья. Среди иллюстраций имелась сделанная на пустынном пляже фотография олигарха, где была видна вытатуированная на его плече летучая мышь (этот фрагмент снимка воспроизводился рядом с сильным увеличением).

У мыши была темная история.

По одной версии, Ботвиник служил в десантных войсках (приводилась его фотография в форме, в обнимку с пацанами в голубых беретах возле входа в Парк Горького) — и там ему, по десантному обычаю, и вытатуировали этот символ. По другой, он просто самым первым из российских олигархов задумался о том, что впоследствии стали называть «пиаром», — и

вложился в образ раньше всех остальных. Поэтому еще во времена залоговых аукционов статьи в «Коммерсанте» о его финансовых операциях назывались не иначе как «Высадилась Десантура». Амышь ему якобы вытатуировали позже, когда на «компромат. ру» появился слив, что он вообще не служил.

Такого же происхождения была и тема «русского мачизма» — автор статьи иронизировал, что по природе Ботвиник плохо подходил на эту роль, поскольку был порядочным интеллигентным человеком по маме и папе. Тем не менее, специальная команда культурологов, психологов и специалистов по нейролингвистическому программированию помогла ему добиться полной трансформации, попутно разработав по его заказу так называемый «криптоспик» — разговорную технику, внедрявшую в сознание собеседника специальные микрокоманды, сами по себе безвредные, но в контексте выверенной фразы образующие что-то вроде бинарного лингвистического оружия. Вместе с тщательно отработанной жестикуляцией эти команды действовали на подсознание так, что за несколько минут общения Ботвинику подчинялась воля любого носителя традиционной российской культуры.

Про «криптоспик» было известно мало. Считалось, что кроме эксплуатации традиционных культурных кодов он использует команды-мемы, выстроенные по принципам каббалы из буквенно-цифровых комбинаций, замаскированных под обыденную речь. Эта система психического воздействия оказалась ошеломляюще эффективной — настолько, что была засекречена и взята на вооружение главными технологами режима, многие из которых считали Ботвиника своим гуру.

Самой закрытой технологией криптоспика считалось «боевое НЛП» — но все, связанное с этой темой, было спрятано настолько тщательно, что автор статьи даже отдаленно не брался гадать о смысле этого выражения. Ботвиник был здесь первопроходцем — владение криптоспиком в сочетании с боевым НЛП считалось одной из главных причин его сокрушительного успеха в бизнесе. Другой причиной было то, что Ботвиник якобы имел чин полковника ФСБ (автор статьи выражал сомнение в достоверности этого слуха, зато был уверен, что Ботвиник держит чекистский общак, которым управляет через подконтрольную структуру в лондонском Сити).

«Непрофессионалу может показаться странным, что полониевый скандал и кавказский конфликт мало повлияли на все эти обстоятельства, — писал журнал, — на деле же финансовая интеграция элит является одним из тех скрытых балансиров, которые не дают миру скатиться в окончательный хаос: никакая ПРО не защитит от ржавой ядерной бомбы лучше, чем принятый порядок вещей».

Последние годы Ботвиник жил большей частью в Лондоне (видимо, у Интерпола не осталось претензий по поводу Жан-Клода Ван Дамма), но часто бывал и в Москве.

Статья была интересной, но слишком заумной: некоторые фразы казались Лене полной бессмыслицей, хотя состояли из понятных слов. Например, такое вот: «В современной России место идеологий заняли технологии, а это значит, что Ботвиник, стоявший у истока нового поколения техник нейролингвистического контроля, может быть с полным правом назван не только главным технологом всех идеологов, но и главным идеологом всех технологов...» Лена перечитала это место три раза, но все равно не поняла, о чем речь.

— Боевое НЛП, — повторила она шепотом и поглядела на румяные щеки Ботвиника.

Ей пришло в голову, что Кима, возможно, права насчет разговора с фотографией — ведь древние люди не зря рисовали на стенах пещер добычу, которую надеялись встретить на охоте. Если бы тогда выходили глянцевые журналы, то кроманьонцы, скорей всего, не мазюкали бы головешками по камню, а просто вырезали оттуда фотографии бизонов и мамонтов и тыкали в них копьями во время своих магических ритуалов... Так что вполне можно было попробовать

поколдовать на фотку — только незаметно, чтобы не засмеяли подруги.

«Эй, Миша Ботвиник, — позвала Лена про себя. — Слышишь меня? Ты ведь знаешь, какие сейчас бабы пошли? Конечно, знаешь. Так вот, я не такая. Правда, не такая... Я... Я такая, что ты даже представить себе не можешь. Я сделаю для тебя самое лучшее, что только одно существо может сделать другому. Самое-самое лучшее. Слышишь меня? Клянусь!»

Машина затормозила, журнал дернулся в ее руках, и ей показалось, что Ботвиник чуть подмигнул ей левым глазом. Тут она почувствовала себя глупо, перелистнула сразу полжурнала и попала на секцию низкобюджетных женихов.

Их было человек по десять на каждой странице, и они, если честно, не вдохновляли — фотографии были паспортного формата, а под ними мелким шрифтом были набраны странные рекомендации, вроде: «Рapidшер Вербицкий, математик года по версии журнала „GQ“. Поглядев на Rapidшера, Лена тихонько вздохнула, закрыла журнал и побыстрее отложила его на пустое сиденье — чтобы не сбить установку.

* * *

Когда Лена смотрела немецкий фильм про последние дни Гитлера, ее больше всего поразило, до чего невзрачно выглядел вход в подземное убежище диктатора — даже непонятно было, стоило ли ради такого убожества пускаться на все эти хлопоты.

Оказалось, что дорога на ее новое рабочее место проходит через такое же неприметное бетонное строение, похожее не то на бокс автобусной остановки, не то на вход в общественный туалет. К тому же этот вход находился на территории военной части, за забором с колючей проволокой, и вокруг стояли вооруженные солдаты.

Лифт, в который они попали после проверки документов, тоже не показался ей слишком элегантным: это была простая железная клетка с рифленным полом — правда, очень вместительная. А когда они спустились вниз (ехать пришлось долго), у нее окончательно испортилось настроение.

Все здесь было совсем как в фильме про Гитлера: низкие бетонные коридоры с проводами на стенах, железные двери, вентили, люки, холодные лампы дневного света. Правда, воздух был чистым и даже отдавал какой-то лесной свежестью.

Девушек привели в примерную с несколькими металлическими шкафчиками и душевой и велели ждать.

Через несколько минут в помещение вошли дядя Петя и майор, который собирал подписки о неразглашении. Майор был все в той же камуфляжной форме, а дядя Петя — в веселой маечке с надписью:

HUGO BOSS

Лена сначала даже не поняла, в чем выверт, и только потом заметила нацистские руны.

— Это потому, — шепнула Кима, — что Хуго Босс разработал эсэсовскую форму.

— В самый раз для такого местечка, — прошептала Лена в ответ.

Майор рявкнул:

— Р-р-азговорчики!

Когда разговорчики стихли, дядя Петя сказал:

— Сегодня, девчат, просто ознакомительный день — клиентов не будет. Сейчас мы находимся в вашей примерной. Здесь вы будете переодеваться. Потом по коридорчику, через металлодетектор будете проходить на рабочее место. Примерная находится в технической зоне

комплекса, здесь недалеко есть буфет, где вы всегда сможете подкрепиться. Теперь о специфике. Вы — кариатиды малахитового зала. Поэтому перед сменой будете натираться малахитовой мазью. Она совершенно безвредная — это такой тональный крем, разработанный специально для вас. И еще парики, вон они лежат. Парик можно надевать до инъекции, сзади оставлена специальная дырочка... Ну, чего ждем, маргаритки? Заголяемся и натираемся!

Лена уже давно приучила себя к мысли, что на пути к успеху ей придется часто раздеваться перед незнакомыми людьми. Поэтому процедура далась ей без труда. Правда, «малахитовая мазь» оказалась ужасной дрянью — по виду это было что-то вроде перламутрового шампуня зеленого цвета, который на коже превращался в тонкую блестящую пленку с узором, действительно похожим на полированный срез малахита.

— Натирайтесь тщательнее, — говорил дядя Петя. — Веки тоже, потому что стоять будете с закрытыми глазами.

— Кожа сквозь него дышит? — спросила Ася.

— Дышит, дышит, — ответил дядя Петя. — Ты, кстати, запомни — в следующий раз пелотка должна быть чисто выбрита.

Ася покраснела, но не сказала ничего.

Закончив натираться, Лена натянула на голову мочалистый парик, состоявший из зеленых дрэдов, собранных во что-то вроде прически фараона. Парик был большим и пышным, но очень легким и практически совсем не чувствовался на голове.

— А теперь на коленки, девочки, — сказал майор, и в его руке появился знакомый шприц-пистолет. — Поиграем в Катень. Не бойтесь, хе-хе, это не больно.

Это действительно не было больно.

Инъекция оказалась похожа на прохладный фонтан, который вдруг включили у Лены в затылке на полную мощность (ей показалось, что она уже испытывала это ощущение раньше — то ли в детстве, то ли в каком-то сне). Фонтан ударил в мозг, омыл его холодной струей и унес все кипевшие там заботы и думы, которых Лена просто не замечала до тех пор, пока они не обнаружили себя своим исчезновением.

Это было странно. После укола ничего особенного не произошло. Просто стало понятно, что перед этим она пребывала в крайнем волнении, даже какой-то суетливой испуганной панике, у которой не было другой причины, кроме той, что это было ее обычное состояние. А как только эта внутренняя суета прошла и наступило спокойствие, кончилась и нервная трясучка тела, которой Лена тоже раньше не замечала. Все стало спокойно и очень просто.

Посмотрев на себя в зеркало, она оторопела.

Из блестящего прямоугольника на нее смотрела каменная баба. Это были первые слова, которые пришли ей в голову.

Конечно, никакого сходства с обветренными степными изваяниями не ощущалось — баба была из полированного малахита, а ее волосы казались высеченными из того же камня, только грубо. Живыми оставались только глаза. Лена попробовала прикрыть их и поглядела на себя сквозь ресницы. Теперь сходство со статуей стало полным.

Лена вытянула перед собой руку и поглядела на свои зеленые пальцы. Они были абсолютно незыблемы. Казалось, если тукнуть по такому пальцу молотком, он отвалится, а остальные будут так же неподвижно вонзаться в воздух еще много тысяч лет.

* * *

«Малахитовый зал» оказался большой квадратной комнатой, отделанной малахитом и

украшенной фресками на духовные темы. Дядя Петя объяснил, что это вольное подражание одному из залов Эрмитажа, где находилась когда-то приемная императрицы.

В комнате не было никакой мебели, кроме огромного бубликоподобного дивана. В пустом центре этого бублика располагался выдвижной стол — круглая малахитовая плита на мощной телескопической ноге, уходящей в пол. Диван был затянут пестрым шелком; по нему было разбросано множество подушек разного цвета и формы, а на столе сверкали зелеными искрами хрусталь и стекло.

В каждом углу зала стояла малахитовая тумба-пьедестал. Наверху был упор для рук (кариатидам полагалось поддерживать потолок), высота которого регулировалась специальным механизмом, поэтому и маленькая Ася, и высокая Вера, залезая на свои тумбы, принимали одну и ту же позу — с поднятыми вверх руками, которые упирались в верхнюю малахитовую плиту под одинаковым углом. Локти при этом торчали вперед, открывая подмышки, и их надо было тщательно брить перед каждой сменой.

Стоять в такой позе целый день, не совершая никаких движений, не смог бы ни один нормальный человек — но после инъекции это было совсем просто. Тело казалось легкой стеклянной колбой, в которой горел невидимый огонек жизни. Лена знала, что внешний наблюдатель может заметить этот огонек только тогда, когда она открывает глаза. По инструкции это разрешалось делать только при разговоре с клиентом, но Лена уже поняла, что может незаметно следить за окружающим сквозь ресницы, и никто ничего не узнает.

Но следить было совершенно не за чем.

В первую рабочую смену в зал не пришло ни одного посетителя. Только из коридора за входом несколько раз долетели веселые пьяные голоса и смех. И еще один раз донесся запах кубинской сигары, напомнивший о дяде Пете.

За двое суток, проведенных на пьедестале, Лена успела изучить зал во всех подробностях.

На фресках были изображены длинноволосые левитирующие ангелы, одетые в одинаковые белые ризы с какими-то мистическими водяными знаками. Ангелы висели над кромкой облаков и словно прислушивались к чему-то тихому, взяв друг друга за руки. Религиозная тема, однако, вовсе не давила на сознание. Во-первых, ангелы были снисходительными — это делалось ясно по их улыбкам. Во-вторых, их глаза закрывали черные повязки. Такая же повязка на глазах была и у бородатого Бога-Отца, в животе которого размещалась неприметная дверь служебного входа, через которую Лена с подругами проходили на рабочее место. Бог-Отец воздевал руки, но со стороны казалось, что он по-свойски ими разводит, будто говоря: «Ребят, больше не просите, все, что мог, уже отдал».

Видимо, имелось в виду, что Бог — это все-таки не совсем то, что говорят простому человеку, и его не особо напрягают шалости элиты, которую он сам же и вознес на вершины могущества.

Было немного странно видеть облака в трехстах метрах под землей, но Лена понимала, что небо, где живут Бог и ангелы, — не физическое пространство: на этот счет, как известно, сильно прокололись еще Гагарин с Хрущевым.

Круглый стол каждые несколько часов с тихим жужжанием уходил под пол, и через минуту, заново накрытый, поднимался назад. На нем были крепкие напитки, вино, шампанское в ведерке со льдом, закуски и фрукты. И хоть за всю первую смену в комнату так никто и не вошел, стол съездил вниз-вверх восемь раз, и каждый раз закуски на нем менялись.

Лене казалось, что она простояла на тумбе совсем недолго. Она собиралась еще многое обдумать, поскольку голова работала как-то по-особому легко и точно, но тут дверь в животе Бога-Отца открылась, и в зал вошли четыре зеленые женские фигуры. Это была новая смена — оказалось, двое суток уже прошли.

Перед следующей сменой Ася спросила:

— Ты его видела?

— Кого его? — не поняла Лена.

— Богомола.

Сначала Лена решила, что Ася говорит о фигуре молящегося ангела на входной двери — он находился как раз напротив служебной дверцы в Боге-Отце. И только потом вспомнила о насекомом, из которого делали «Мантис-Б».

— Нет, — ответила она. — Не видела. А где?

Ася пожала плечами.

— Не знаю. Внутри.

— Внутри себя?

— Наверно, — ответила Ася, посмотрев на нее загадочным взглядом. — А может, внутри богомола.

Лена подумала, что Ася валяет дурака.

Но в середине следующей смены случилось что-то крайне странное. Лене вдруг показалось, что ее руки не подняты вверх, а молитвенно сложены перед грудью.

Точнее, все было наоборот. Ощущение было таким, словно она очень долго, чуть ли не с самого начала времен, держала руки сложенными перед грудью, а потом ей померещилось, что они подняты вверх и уперты в каменную плиту. А затем она поняла, что то, что ей померещилось, и есть ее настоящее положение. Это было похоже на утреннее пробуждение, когда выясняется, что неубедительное развитие сна, только что казавшееся таким убогим и нелепым, и есть окончательная правда, и теперь придется вставать, одеваться и идти к людям за едой.

Лена решила, что задремала на рабочем месте — и испугалась, поскольку так можно было свалиться с тумбы. Но когда галлюцинация повторилась, она поняла — сон здесь ни при чем. Во второй раз она гораздо лучше отследила, что именно произошло.

Она находилась в двух местах одновременно. Одним местом был малахитовый зал. Другим — залитое ослепительным солнцем пространство, о котором трудно было сказать что-то определенное (оно дрожало, переливалось и походило на картинку калейдоскопа, растянутую на все триста шестьдесят градусов какой-то необычной оптикой). Впрочем, калейдоскоп по сравнению с тем, что видела Лена, казался бы скучным. Если окружающее и можно было с чем-то сравнить, то разве что с мультиками, которые рисует медиа-плеер «Виндоуз», прокручивая файлы mp3. Но, несмотря на свою крайнюю необычность, это пространство сразу же пришлось Лене по душе, потому что волны разноцветных огней, все время возникавшие в нем, каким-то образом переживались как счастье, которое постоянно меняло цвет и форму — но не переставало быть счастьем и совсем не надоедало.

Было две Лены. Одна стояла на малахитовой тумбе в углу пустого подземного зала, упиравшись руками в каменный блок над головой. А другая находилась в потоке живого солнечного света и держала ладони сложенными перед грудью. Это были необычные ладони — со множеством маленьких острых пальцев, торчащих под прямым углом, словно гвозди из доски. Острия пальцев приятно покалывали ладони и рождали чувство уверенности в себе.

Никакого противоречия между двумя Ленами не было. Но между ними имелась большая разница. Там, где Лена была человеком, она была фальшивой каменной бабой, которая несла долгую вахту в одном из вспомогательных помещений подземного дома толерантности. А там,

где Лена была богомолком, она была... Вот там она была человеком. Во всяком случае, именно так хотелось сказать.

Выразить все переполнявшие ее мысли казалось так же невозможно, как объяснить, что именно рисует медиаплеер «Виндоуз». Ясно было одно — увидев этот солнечный странный мир, возвращаться в *секстинскую капеллу* (так Кима обозвала малахитовый зал после первой вахты) было грустно. Даже с учетом огромного конкурса на место поющей кариатиды и совершенно нереальных денег, которые платили за работу.

За всеми этими переживаниями Лена не заметила, что за вторую смену в малахитовый зал тоже никто не вошел. В этот раз не было даже голосов в коридоре и сигарного дыма.

* * *

После смены девушки пошли перекусить в буфет для персонала, который располагался в конце идущего мимо раздевалки коридора. Буфет был единственным подземным помещением, куда они могли попасть по своим пропускам: у коридора было много других ответвлений, но их перекрывали турникеты, которые никак не реагировали на магнитную карточку со словами «малахитовый зал» (Лена сама не пробовала туда попасть и поверила на слово любознательной Киме).

Буфет выглядел празднично, но сама эта праздничность была какой-то мрачноватой — место напоминало военную столовую, которую решили переделать под дискотеку. Стены были украшены веселой анимешной графикой и текстовками, выдержанными в двух тонах — красном и синем. Красным были написаны различные жизненные афоризмы, а синим — определения красоты (это, наверно, было придумано, чтобы персонал не расслаблялся и постоянно сверял себя с высоким эталоном).

Красные плакаты выглядели так:

«ВЫСШИЙ СМЫСЛ РУССКОГО БЫТИЯ ЕСТЬ НЕСУЕТЛИВОЕ ЗОЛОЧЕНИЕ БЕЗМЕРНОГО ИКОНОСТАСА»

«В БУДУЩЕМ КАЖДАЯ УЛИТКА ПОПАДЕТ НА ВЕРШИНУ ФУДЗИ НА ПЯТНАДЦАТЬ СЕКУНД»

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО БУРЖУАЗНАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА ТОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ, КОГДА ДЕМОКРАТИЯ ОНА ДЕМОКРАТИЯ, А ЕСЛИ НАДО, В Ж...ПУ ВЫ...БУТ ЛЕГКО»

Синие сентенции о красоте были большей частью цитатами из ньюсмейкеров прошлых лет:

«КРАСОТА СПАСЕТ МИР. ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ»

«КРАСОТА СОСЕТ Х...Й. ЛАРРИ ФЛИНТ»

«КРАСОТА ЕСТЬ ТО НЕУЛОВИМОЕ И ПОЧТИ НЕВЫРАЗИМОЕ В СЛОВАХ СВОЙСТВО, КОТОРОЕ ПОЗВОЛЯЕТ ЖЕНЩИНЕ НЕМНОГО ПОБЫТЬ СУКОЙ ПЕРЕД ТЕМ, КАК ЕЕ ВЫВЕЗУТ НА ПОМОЙКУ. КЕЙТ МОСС»

Увидев, что слово «хуй» написано через многоточие, Лена хотела спросить Киму, не контркультура ли это, но постеснялась. Кима же высказала сомнение, что Ларри Флинт и Кейт Мосс действительно говорили подобное, но признала, что по существу возразить здесь нечего.

Еще в углу буфета висела стенгазета с какими-то подземными новостями и рисунками —

она предсказуемо называлась «Ктулху с Медведем слушают нас!» и была украшена худым лиловым осьминожкой, который из-за нарисованных очков казался по-ленински лысым. Когда очередь проходила мимо, Лена попробовала почитать, о чем думает Ктулху. Мысли осьминожки оказались довольно мизантропическими, а иногда и вообще оскорбительными. Особенно покорило Лену такое:

«Главное качество, которое развивает в себе к двадцати годам современная московская девушка, — это доверчивая готовность к элитному сверхпотреблению (в современном русском ее принято называть „kисостью“). Дураку понятно, что никто не допустит легионы этих кис к гламурному распределителю, им просто поморочат голову и бросят. Так, собственно, и было во все времена. Но сегодня морочить девушке голову нужно таким омерзительно пошлым способом, что награда, которая ждет за этот тяжкий и нечистый труд, как-то блекнет. Тем более что труд этот не только противоречит нравственному чувству христианина и порядочного человека, но и дорог до чрезвычайности, а реальная рыночная стоимость ожидаемой награды значительно ниже счета за первый же обед в хорошем ресторане. Что же касается духовной близости с какой-нибудь из этих инфузорий-туфелек от Prada, то о ней мы просто не будем говорить в целях экономии места...»

Зато другая статья Ктулху разъясняла слово «электоральный» с суверенного плаката:

«Называть российскую публику „электоратом“ — это примерно то же самое, что называть тюремных опущенцев „педерастами“ („любителями мальчиков“ по-гречески). Что тут скажешь? Да, такая лексика широко распространена, освящена обычаем, и можно даже найти определенные фактические основания для подобного словоупотребления. Но все-таки в иную минуту сложно отделаться от чувства, что за звучным иностранным словом прячется какая-то усмешливая лукавинка, чтобы не сказать — злая неправда...»

Лена сначала прочитала «электоральный» как «электро-оральный» и, только дочитав этот пассаж до конца, поняла, что имеется в виду совсем обратное.

«Вот ведь не просто людям что-то одно не нравится, — подумала она устало, — а они вообще всю нашу жизнь хаут. Ехали бы тогда себе из страны...»

Действительно, стенгазета поражала своей откровенной критичностью к установленному порядку вещей — но ушлая Кима объяснила, что так сделано специально, с целью вызвать у посетителей буфета ощущение полного элитного доступа к чему угодно вообще.

— Карманный диссидент, — сказала она, — это типа как злой карлик с бубенцами. В гламурных кругах считается очень даже шикарно.

По какой-то причине никто из очереди особо не задерживался у тайного рупора Ктулху, и Лена подумала, что Кима права.

В буфете было многолюдно. Преобладал народ в технической униформе, но присутствовали и коллеги: впереди стояло несколько пацанов-атлантов в узких набедренных повязках. Они, видимо, работали в каком-то классическом интерьере, потому что их рельефные мускулистые тела были натерты белой пудрой под мрамор. У одного пудра была стерта с ягодич, а на ляжке остался отчетливый отпечаток ладони. Остальные поглядывали на него с ухмылками.

Вялый разговор, который девушки вели о том и о сем, постепенно стих. А потом Ася вдруг спросила:

— Все видели?

— Ты про что? — не поняла Лена.

— Про богомола.

Лена кивнула. Вера и Кима только переглянулись друг с другом, и стало ясно, что они тоже видели.

— Мне кажется, я молилась, — сказала Ася.

— Это потому, что руки так сложены? — спросила Лена.

— Не только. Просто само состояние молитвенное. Все мирские голоса внутри стихают, и остается только единение с высшим. Это и есть молитва. Меня так бабушка учила. Когда еще жива была.

— Я особого единения с высшим не заметила, — сказала Вера. — Спокойно было, это да. И легко.

— Это и есть единение, — сказала Ася.

Вера усмехнулась.

— Высшее, низшее, кто их разберет. Лучше скажите, трубу под ногами все видели?

— Это не труба, — сказала Ася. — Это, по-моему, ветка, на которой он сидит. У меня от нее голова болит, потому что она одновременно и впереди и сзади, и при этом все время прямо перед тобой.

— У богомола так расставлены глаза, — сказала Кима. — Он видит все вокруг. Поэтому ветка действительно и впереди, и сзади.

— А что это за богомол? — спросила Вера. — Где он?

Кима подумала немного и сказала:

— Это архетипический богомол. Всеобщий и универсальный. Папа и мама всех богомолов, которые были, есть и будут. Он пребывает в платоновском космосе.

— А что он там делает?

— Молится, — сказала Ася. — В этом я абсолютно уверена.

В буфет вошли три русалки, одну из которых Лена видела перед «Рэдисон-Славянской» — она узнала ее по родинке на щеке. Русалки были со снятыми хвостами, в коротких чешуйчатых маечках, поблескивающих из-под купальных халатов, а на головах у них были спортивные шапочки для плавания. Лена некоторое время изучала их со смешанным чувством зависти (все три были дивно красивые) и превосходства (мокрая работа, себе бы такую Лена точно не пожелала). Русалки тоже поглядывали на кариатид. Вскоре играть в гляделки надоело, и девушки вернулись к прерванному разговору.

— Может, дяде Пете все расскажем? — предложила Лена.

— Ни в коем случае, — ответила Вера. — Начнутся проверки, всякие комиссии... Будут побочные эффекты искать, а зал закроют. Тебе что, деньги получать надоело?

— Я вот чего не понимаю, — сказала Лена. — Мы его видим. А он нас видит или нет?

На это никто не знал ответа.

В буфет прибывало пополнение. За русалками в очередь встали два золотоволосых мальчугана с игрушечными луками, которых привел с собой косматый мужчина с силиконовыми грудями под покрывалом из пурпурного виссона. У него на шее был отчетливо виден обширный лиловый засос. Вера смерила новых посетителей косым взглядом.

— Все уже при делах, — сказала она, — только мы вот... Заневестились.

Кима хихикнула.

— Я у девок из прошлой смены спрашивала — у вас был кто-нибудь или нет? Они сначала говорят — мол, иди на фиг, подписку давали. А потом Надька рассказала, у них три каких-то мужика были, по виду чиновники. Зашли на пять минут. Девки прикинули возраст и запели «Another brick in the wall». А те на них даже не посмотрели — выпили водки, закусили грибочками и ушли.

— А девки тоже богомола видели?

— По-моему, да, — сказала Кима. — Только говорить не хотят... Лен, ты не зевай, тарелки бери, и к кассе, а то русалки налезут.

В следующую смену Лена получила ответ на свой вопрос: она убедилась, что богомол тоже ее видит.

Контакт произошел на четвертой поляне с начала вахты («поляной» девушки называли интервал времени между сменами сервировки на круглом столе). Лена в это время рассеянно глядела сквозь ресницы на одного из настенных ангелов (складки его хламиды наводили на мысль об эрекции, чего с бесполоми существами по идее не должно было происходить даже в таком месте).

Все началось как в прошлый раз: Лене померещилось, что ее руки сложены перед грудью. А затем перед ней возникла странная треугольная голова, напоминающая инопланетянина из комикса. По краям головы сидели два больших фасетчатых глаза, а между ними были три глаза поменьше. И все эти пять глаз глядели на Лену. Еще у богомола были серьезные челюсти. Но Лена не испугалась.

«???»

Богомол общался не словами, а как-то иначе, но Лена все понимала.

«Я здесь работаю, — ответила она. — Жду клиентов».

«?????»

Лена поняла, что отвечать тоже можно не словами, а просто подняв какую-то заслонку в уме, чтобы содержащееся за ней выплеснулось наружу и стало доступно богомолу. Она так и сделала.

«—»

Богомол сделал то же самое — убрал преграду, которая отделяла его сознание от сознания Лены, и в Лену хлынуло нечто невообразимое.

Приблизительно это можно было описать вот как: если в прошлый раз Лене показалось, что мир вокруг стал похож на картинку из медиаплеера «Виндоуз», то теперь она стала такой картинкой сама, а мир распался на множество дискретных аспектов, которые казались безумными, поразительными, невозможными и страшными по отдельности, но вместе каким-то образом компенсировали друг друга до спокойного и счастливого равновесия, которое установилось в ее голове.

Равновесие наступило во всем. Например, Лена по-прежнему не знала, кто перед ней — какой-то отдельный богомол или дух всех богомолов. Но это не играло никакой роли, потому что если перед ней был дух, то он жил в каждом богомоле, а если перед ней был простой богомол, то через него говорил этот дух. Обе возможности были просто полюсами того, что происходило в действительности.

Точно так же было неясно, что произошло в момент, когда их сознания слились — стала ли она богомолом, или это богомол стал ею. Но это тоже не играло роли, потому что существу, которое возникло между этими смысловыми противоположностями, было безразлично, кто кем стал.

Богомол не задавался такими вопросами. Он вообще не думал словами или образами. Он просто был. Был каплей в бесконечной реке, которая текла из одной необъятности в другую. Каждая капля этой реки была равна всей реке целиком, поэтому богомола ничего не заботило. Он знал про реку все — или, вернее, сама река жизни знала про себя все и текла через богомола, который, став Леной, позволил ей одним глазком взглянуть на это забытое человеком чудо.

Чудо тоже состояло из равновесия противоположностей. Можно было, например, сказать, что богомол знает все — поскольку пять его глаз видели даже начало мира и его конец (туда

Лена боялась смотреть, это было слишком головокружительно). А можно было сказать, что он не знает ничего, и это тоже было чистой правдой, поскольку он действительно ничего не знал сам — в нем просто отражалась бесконечность, как весь мир отражается в капле воды. И Лена поняла, вернее вспомнила, что и она сама — точно такая же капля. Об этом, в сущности, можно было догадаться и без богомола, и когда-то в детстве (или даже еще раньше) она это знала сама — но теперь эта самоочевидная вещь забылась, потому что дневные маршруты взрослого ума проходили совсем в другой плоскости. А рядом с богомолем про это невозможно было не вспомнить.

Все эти переживания так захватили ее, что Лена перестала понимать, где она находится на самом деле.

Теперь она знала, почему у богомола пять глаз. Оказывается, маленькие глаза, расположенные на голове между антеннами, видели прошлое, настоящее и будущее — поэтому их было три. А два больших фасетчатых глаза по краям головы были просто придатками к тому глазу, который видел настоящее — они воспринимали его форму и цвет (у прошлого и будущего этих качеств не было — но их додумывал ум). Это было так просто и разумно устроено, что Лена даже удивилась, почему у человека все иначе.

Направленный в прошлое глаз богомола видел черную бездну небытия (она не была черной и не была бездной — но именно так отражалась в сознании). Направленный в настоящее глаз видел малахитовый зал с четырьмя зелеными кариатидами. А направленный в будущее глаз видел дядю Петю.

На нем была красная маечка, которой Лена раньше не видела — «DKNY», с расшифровкой «Divine Koran Nourishes You».^[1]

* * *

Дядя Петя действительно пришел на собрание в майке с четырьмя буквами:

DKNY

Это доказывало, что в последнюю смену Лена и вправду видела будущее. Вот только будущее успело с тех пор несколько измениться: майка дяди Пети была не красной, а синей, и расшифровка под четырехбуквенником оказалась другой:

«Definitely Ktulhu, Not Yahweh».^[2]

Зато красным было лицо дяди Пети.

Все стало ясно, когда он заговорил.

— Вчера, — сказал он голосом диктора, объявляющего о начале войны, — в одиннадцать сорок два вечера в нашем комплексе предотвращен теракт. Предотвращен в последний момент. Пыталась взорвать себя Симонюк Екатерина тысяча девятьсот девяностого года рождения, работавшая декоративно-эротическим элементом в синей бильярдной. Незадолго перед этим она делала пластическую операцию. Оказалось, что операция была пластическая в самом прямом смысле — вместо силикона гражданке Симонюк установили в груди модифицированный желеобразный пластит пакистанского производства. Детонировать

взрывчатку она собиралась с помощью замаскированного под помаду взрывателя. Покушение на теракт произошло, когда на бильярде играли два клиента категории «А». Если бы ее не застрелила охрана...

Дядя Петя зажмурился и провел рукой по лысому черепу. Лена заметила, что, хоть его голова по-прежнему казалась натертой пеплом сигары, белого в этом пепле было больше, чем темного: у него за последнее время прибавилось седых волос.

— В синей бильярдной, — продолжал дядя Петя уже более спокойным тоном, — бильярд стоит на шести минетных ножках. Таких, ну типа как сфинксы с лебедиными крыльями, довольно сложный макияж. Одной из этих ножек и была Симонюк Екатерина. Перед терактом она пыталась прокричать шахаду на арабском, на что, слава богу, и среагировал сотрудник службы безопасности, сразу открывший огонь на поражение. Он представлен к награде. Потенциальные жертвы теракта даже не успели понять, что происходит, они думали, девушка пытается привлечь к себе внимание... Мы ее контакты проверяем сейчас, отрабатываем чеченский след — есть информация, что это смертница из батальона «Риядус Салихийн». Хотя по национальности не чеченка. Как говорится, Шамиль умер, а дело его живет... Девчат, я понимаю, что вы тут ни при чем, но этот случай нам всем сильно аукнется. С вами теперь начнет заниматься идеолог. Не бойтесь, не такой, знаете, старпер советский. Нормальный, современный парень, который объяснит вам все по-человечески, чтоб метастазов в мозгу не было...

— У нас и так метастазов там нет, — сказала Вера. — Если от этих уколов, конечно, не начнутся.

Дядя Петя не удостоил реплику ответом.

— А теперь о наших делах, — сказал он. — Паршиво работаем, девчата. Да-да. В малахитовом зале три клиентозахода за все время. И ни одного в вашу смену. Будет так продолжаться, придется расстаться с малахитовой группой. Поставим зал на перепланировку. Сделаем комнату Маугли. Или уголок таджикской девочки для снафф-экстрима. Голоса такие среди акционеров уже раздаются. Это чтоб вы знали.

— Вы хотите сказать, нас уволят? — спросила Вера.

Дядя Петя сделал обиженное лицо.

— Ну а как ты думаешь, детка, — ответил он. — У нас главный национальный приоритет — конкурентоспособность. Утратил конкурентоспособность — с вещичками на выход. Бесплатно нас кормить никто не будет.

— А мы виноваты разве? — спросила Ася. — Мы все делаем как полагается. Мы готовы конкурировать. Это вы должны публику привлечь. Может, шире информировать, что вот есть такой малахитовый зал...

— Что значит — шире информировать? Информация не так распространяется, как вы думаете. Только через word of the mouth. Кто-то заглянул, ему понравилось, он другим сказал. К вам заглядывали люди? Заглядывали. А других не позвали.

— Наверное, их роспись отпугивает на религиозную тему, — сказала Лена. — Может, им стыдно в таком интерьере...

Дядя Петя махнул рукой.

— Не говори чушь, — ответил он. — Это же развитие темы Малахитового зала в Эрмитаже... Хотя вообще-то черт его знает, и такое может быть. Ну а что, по-твоему, нарисовать надо?

— А пригласите художника Кулика, — сказала Лена неожиданно для себя. — Пусть он что-нибудь придумает.

Кто такой Кулик, она знала главным образом от культурно продвинутой Кимы — и

испугалась, что дядя Петя задаст какой-нибудь каверзный вопрос, который обнаружит ее невежество. Но дядя Петя просто сделал пометку в записной книжке.

— Тут не в рисунке дело, — вмешалась Ася. — Мимо нас проходят по коридору и не заглядывают даже, я видела. Может, они просто не знают, что мы живые? Мы же стоим совершенно неподвижно. И молчим.

— Вот это уже ближе, — сказал дядя Петя. — Молчите. А вы у нас какие кариатиды? Поющие. Почему тогда тишина? За вашу зарплату и спеть можно.

Девушки переглянулись.

— Что же нам, все время петь? — спросила Лена.

— Как что? — усмехнулся дядя Петя. — Песни, лапочка. Песни музыкальных композиторов.

* * *

По зрелом размышлении как раз песен в непрерывную программу решили не включать. Во-первых, это требовало слишком большой концентрации от исполнителей. Во-вторых, по мнению дяди Пети, тексты песен могли помешать отдыху клиентов, мобилизуя их внимание и разрушая комфорт. Решено было на первое время ограничиться, как выразилась Кима, «полифоническим муром» — и только по желанию клиента переходить к песенному репертуару.

В программу включили два варианта мур. Первым была тема из «Лебединого озера» — ее отрепетировали довольно быстро. Второй мур был сделан по песне «Мондо Бонго» из фильма «Мистер и Миссис Смит». Из слов, где некстати пелось про ЦРУ, оставили только «ла-ла-ла-ла-ла», которое сначала спадало легчайшим серпантинком само на себя, а потом вообще проваливалось во что-то сладостно-бесстыдное. Получившуюся распевку можно было безостановочно мурлыкать на четыре голоса хоть все сорок восемь часов смены — это было красивое и экономичное решение, в смысле экономии сил.

На первой музыкальной вахте, когда отрабатывали «Мондо Бонго» (пели по двое, каждая пара по часу), посетителей снова не появилось. Но сейчас у этого была уважительная причина: в малахитовом зале работал художник Кулик, которому дядя Петя все-таки заказал новую роспись.

Самого Кулика, что самое интересное, никто так и не увидел — трудились его помощники, причем на удивление споро: всю работу закончили за один день.

Сначала ребята в красивых желтых комбинезонах закатали небо с ангелами ровным слоем кремового фона. Затем они включили диапроектор и обрисовали контуры спроецированного на стену изображения: получилась довольно грубая человеческая тень с непропорционально длинными ногами в обрамлении слов «гав!», «гав-гав!!» и «гав-гав-гав!!!», написанных самыми разными шрифтами — от веселого комиксного до мрачного готического. Эти разнокалиберные «гавы» покрыли всю стену, налезая друг на друга, а затем ребята в комбинезонах раскрасили их разными цветами, сверяясь с развернутыми на полу планшетами. Получилось красиво и интересно, похоже на какой-то яркий среднеазиатский орнамент — только, на взгляд Лены, все портила эта темная тень не то в шляпе, не то в фуражке. Было непонятно, что все это должно означать, пока художники не написали стихотворный эпиграф в верхнем углу стены и название композиции в нижнем. Эпиграф выглядел так:

Ночь бездыханна. Псы вдали
тишь рассекают пестрымъ лаемъ.

—

Севастополь, апрель 1919

Называлась композиция «Набоков в Крыму».

Дядя Петя с легким скептицизмом оглядел роспись и поинтересовался, в чем будет заключаться персональный вклад самого Кулика, если работа уже закончена. Старший ассистент, похожий на Гермеса молодой человек с заплетенной в косичку бородкой, снисходительно объяснил, что это только подготовительный этап, и теперь остается самое главное — согласовать, между какими двумя стенами можно протянуть цепь, на которую сядет мастер.

Услышав это, дядя Петя нахмурился.

— Зачем? — спросил он.

— Он будет перемещаться вдоль цепи на специальном шейном кольце, накинув на плечи собачью шкуру, и мастурбировать на сжимаемую в руке фигурку пластмассовой школьницы. А придя в сексуальное возбуждение, будет спонтанно кидаться на ваших клиентов. Как Калигула в «Жизни двенадцати цезарей».

— Какую шкуру? — оторопело спросил дядя Петя.

— Собачью, — повторил ассистент. — А хотите с подъебкой, пожалуйста, закажем медвежью. Или даже ностальгического черного лабрадора — если согласуете. На черного лабрадора у нас вообще-то отдельный грант, мы это потом будем делать во Франкфурте, но ведь у вас без огласки, правильно я понимаю? Так что можно. Выйдет незабываемо. Вы только представьте, а? Ваши гости будут жить с этой энергией всю жизнь...

Дядя Петя увел ассистента в коридор.

Поскольку цепь так и не стали крепить, Лена сделала вывод, что художественную концепцию удалось упростить.

За то время, пока художники работали и объяснялись с дядей Петей, Лена испытала несколько новых и очень необычных переживаний.

Как и раньше, она почувствовала, что держит руки сложенными перед грудью. Но теперь к этому добавилось еще одно фантомное ощущение — ей померещилось, что у нее есть вторая пара ног, на которую опирается ее длинное-предлинное тело. Лена знала, что это галлюцинация, поскольку вторая пара ног должна была находиться далеко за стеной, чего не могло быть по законам физики. Вот только ощущение казалось гораздо реальнее всех этих законов.

Богомол ненадолго появился в одном из перерывов, когда художники вышли покурить и Лене не надо было петь. Как и в прошлый раз, между ними произошел бессловесный и практически мгновенный обмен информацией.

Лена объяснила, что то, что она делает ртом, — это музыка, полезная работа, за которую ее кормят другие люди, поскольку это красиво. Богомол дал понять, что у богомолов совсем другая музыка — одна нота, которая звучит не меняясь много миллионов лет. Лена выразила любопытство, как это одна нота может быть музыкой, если она не меняется. И не надо, чтобы менялась, оттранслировал богомол — вся красота как раз в том, что она будет такой всегда, что бы ни случилось. Лена захотела услышать эту вечную ноту, но богомол дал понять, что она и так ее слышит, просто не обращает внимания. Тогда Лена поинтересовалась, нельзя ли им говорить между собой словами, и богомол ответил чем-то средним между «посмотрим» и «в другой раз».

Весь этот диалог занял не больше секунды.

А затем, словно почувствовав, чего на самом деле хочет Лена, богомол опять раскрыл для нее свой удивительный, ясный и никогда не меняющийся ум. Говорить после этого было ни к чему, и Лена завороченно глядела в переливающуюся перламутровую вечность до самого конца смены.

После работы она всегда чувствовала себя разбитой. Особенно тяжело давалась дорога в Москву — именно в это время «Мантис-Б» окончательно прекращал действовать. У Лены каждый раз начиналась депрессия — таким неуютным местом казался человеческий мир, в который приходилось возвращаться. Помогала «Контркультура», которую она привыкла читать на обратном пути, свернувшись у окна микроавтобуса в полный страдания комок (сидевшая рядом Ася предпочитала православный глянец — журнал «Похоть Очес» или бизнес-уикли «Гордость Житейская», которыми всегда запасался шофер).

Читая, Лена как бы ввинчивалась назад в реальность, которая была по заблудившемуся сознанию хлесткими и диковатыми розгами строк:

«Победа на „Евровидении“ не будет последней! Страна учится играть по мировым правилам и делает все более серьезные инвестиции в культурную экспансию. По сообщениям информационных агентств, в России идут работы по созданию пидараса пятого поколения на базе глубокой модернизации Бориса Маросеева с применением нанотехнологий. Эксперты утверждают, что отечественная разработка существенно превзойдет по всем параметрам ближайший западный аналог — Элтона Джона. В этой связи обозреватели отмечают, что некоторые технологии пятого поколения (например, полный трансплантат волосяного покрова) пока недоступны отечественным специалистам, но они уверены, что смогут компенсировать отставание по этим показателям за счет форсажных инъекций ботокса».

Прийти в себя особенно помогало то обстоятельство, что для понимания некоторых сообщений приходилось не на шутку напрягать интеллект:

«Людвиг Витгенштейн утверждал в „Логико-философском трактате“, что открыл общую форму описания предложений любого языка. По его мнению, эта универсальная формула вмещает в себя все возможные знаковые конструкции — подобно тому, как бесконечное пространство вселенной вмещает в себя все возможные космические объекты.

«То, что имеется общая форма предложения, — пишет Витгенштейн, — доказывается тем, что не может быть ни одного предложения, чью форму нельзя было бы предвидеть (т. е. сконструировать). Общая форма предложения такова: „дело обстоит так-то и так-то“ („Es verhält sich so und so“).

Однако доцент Иркутского педагогического института филолог Александр Сиринд сумел опровергнуть знаменитую формулу, приведя недавно пример предложения, которое выходит за пределы начертанной австрийским философом всеохватывающей парадигмы. Оно звучит так: «Иди на хуй, Витгенштейн».

— Ошибка австрияка в том, что он забыл старика Шопенгауэра, — говорит ученый, — а ведь мир есть не только представление, но и воля!»

Практически все попадавшиеся Лене сообщения пронизывала спокойная гордость за успехи страны. Ею теперь дышало все — даже прогнозы погоды и аннотации книг, и мир за окошком автобуса делался от этого чуть уютней:

«В своей автобиографической дилогии „Черная Земля“ и „Низвержение в Бруклин“ московский корреспондент журнала „Time“ Эндрю Шмайер исследует происходящий в сознании россиян культурно-психологический сдвиг, в результате которого низкооплачиваемый западный журналист (бывший в прежние времена предметом девичьих грез и всемогущей фигурой с атрибутами божества) постепенно теряет привлекательность как возможный сексуальный партнер и превращается в глазах компрадорской московской элиты в банального фушетного паразита, общение с которым изнуляет душу, не принося абсолютно никакой пользы».

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)